

ИЗ КНИГИ "ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ" (2003 г.)

* * *

Из пекла да в полымя сердце просится,
Как Феникс, возрождаясь вдругоряд.
Горит в руках работа – если по сердцу.
А рукописи, к счастью, не горят.

В стране, где только верить да печалиться,
Века не отличая от зверей,
Глаголом жечь сердца не получается –
Сама им обожглась до волдырей.

Горит иных миров разноголосица.
Огонь меня сжигает изнутри.
Горит на мне одежда, а не носится.
Вот шапка только, правда, не горит.

Горючих слез от мира не упрячу я,
Они прожгут безжизненные льды.
А на сердце горячие, горячие,
Горячие останутся следы.

* * *

Я схороню себя в своих стихах.
Нет, не увековечу – изувечу.
Я втисну в строчки искренность и страх,
И свой рассвет, и свой последний вечер.

Чтоб каждый стих звучал, дышал и пах,
Я жизнь свою в него вмещаю с хрустом.
То снега хруст, иль яблока в зубах,
Или костей, отрубленных Прокрустом?

Имя

*Наталья в переводе с латинского
означает родная, утешение.*

Жила – а как будто не жила,
Всю жизнь обратив в строку.
Кого я когда утешила
На долгом своём веку?

Стою с головой повинною
На стылом ветру одна.
Кому я была кровинкою?
Кому я была родна?

Любимый, тебе ли – правда ведь?
А вам ли, мои друзья?

Как трудно его оправдывать.
Но не оправдать нельзя.

* * *

Я не примеряю масок,
В зеркало глядясь.
Ни ужимок, ни гримасок
Нету отродясь.

Принимая укоризны,
На других дивлюсь.
Ни личиной, ни харизмой
Я не похваюсь.

Вся открыта перед вами
Сердцем и судьбой.
Может голыми руками
Взять меня любой.

* * *

*Что сказать мне о жизни?
Что оказалась длинной.
И. Бродский*

Жизнь оказалась мне не по росту.
Длинная. Я утонула в ней просто.
Не по фигуре. Не по нутру.
Не по карману. Не ко двору.

Не понимаю, как в ней живу я?
Смётана наспех, на нитку живую.
Не ожидали в аврале шитья,
Что в ней так долго жить буду я.

Жизнь обносилась. Я обнищала.
Но не пищала, хоть и трещало,
Где было тонко – с краю, по шву...
Не понимаю, как я живу.

* * *

То, что добро потоплено во зле –
Не для кого давно уже не тайна.
Не нахожу я места на земле.
Вишу в петле – пока ещё трамвайной.

Остановите! Я хочу сойти.
Сойти на нет, с ума, куда угодно!
Но выход преграждает на пути
Мне подлая смеющаяся кодла.

Глаза закрою: вижу их в гробах.
И только зубы стискиваю молча.
Нет, не трамвайной вишенкой в зубах –
В их плотке буду ягодкою волчьей!

* * *

Пройти по жизни невидимкой,
Чистюлей, льдинкой, нелюдимкой,
Неузнанно скользящей мимо
Того, что быть могло любимо.
Не запятнав ни рук, ни платья,
Презрев объятья и проклятья,
Не знавшись с болью и тоскою,
Во имя воли и покоя
Парить в своём высоком небе,
Где пусто, холодно, как в склепе.
Парить безбрежно, белокрыльно,
С душой, где снежно и стерильно,
Где, только Богу потакая,
Живёт лишь муза, и людская
Нога там не ступала сроду...
Переборов свою природу,
И славы ангелов алкая, –
Кому нужна она, такая?

Окно

Окно выходит в белые деревья.

Е. Евтушенко

А у меня оно выходит в май,
В зелёный, свежий, шелестящий рай.
Напоминая разом лес и сад,
Мои миры расцветшие висят,
И ветка, как большой пушистый зверь,
В балконную заглядывает дверь.
Волной ольховой плещет у окна,
И от неё вся комната темна,
Но чем темней от лип и тополей,
Тем на душе и чище, и светлей.
Прощаю темень, семени труху
За зелень, сор, без коего стиху
Не вырасти, за веток перестук
Взамен руки, что не протянет друг,
Прощаю скрип и шорох по ночам
За этот свет божественный очам,
За этот ветра пробежавший ток,
Похожий так на детский лопоток,
За то, что несмотря на жуть и мрак
Распада, что не видывал Ламарк,
Сквозь смрад и срам нам брезжит по утрам
Природы чистый осиянный храм.

* * *

Лес тонул в жужжании и гуле.
Пробовали горло соловьи.
Травки слабосильные тянули
Вверх существования свои.

А туманы плыли в небе белом,
Чтобы лечь на землю точно в срок.
Каждый занимался своим делом,
Выполняя божеский урок.

Поднимались розовые зори,
Волны тихо бились о корму.
И до человеческого горя
Не было им дела никому.

* * *

Земля страданиями полна,
Как погляжу окрест.
Деревья бьются в твердь окна,
Луна несёт свой крест.

Дождь не устанет, весь в слезах,
Выстукивать стихи,
К которым люди в телесах
Останутся глухи.

На миг рождается рассвет,
Чтобы уйти во мглу.
И ветер воет что-то вслед,
Хватая за полу.

В какой-то безысходный круг
Силком вовлечено,
Всё стонет, корчится от мук
И всё обречено.

* * *

В окне квадрат Малевича
Намалевала ночь.
Луна глядит, жалеючи,
Не в силах нам помочь.

Привычная агония:
День прожит. Пробил час.
С агонией – в гармонии
Моя душа сейчас.

* * *

Когда не взвидишь света до зари,
Когда уже совсем к стене припёрло –
Вот тут-то муза и заговорит,
Вот тут и запоёшь-то во всё горло.

О мазохизм чумного на пиру!
Какой бы груз внутри себя ни вёз ты,
Чем горше жизнь – тем сладостней перу,
Чем ночь темней – тем ярче будут звёзды.

* * *

Меж светом и теменью – драка.
От солнца кровава роса.
Восстали деревья из мрака,
На вилы подняв небеса.

Не в благодной тихой молитве,
Бросающей тень на плетень,
А в страстной и яростной битве
Рождается будущий день.

Деревья

В такую бурю не пройти и метра –
Смерч, словно смерть, сбивает на ходу.
Деревья, искривлённые от ветра –
Как грешники, что корчатся в аду.

Протягивают сухонькие руки,
Моля тепла, покоя и любви,
И содрогаясь от бессильной муки
Быть понятыми Богом и людьми.

Скрипят деревья, ветру потакая.
Корёжит их незримая вина.
И чудится – они нас окликают,
Людские называя имена.

* * *

За углом берёза закадычная –
Словно от тоски моей таблетка.
Речь её прямая закавычена
Птичками, сидящими на ветках.

Вновь аллея эта в ноги бросилась,
Расстилая листьев одеяло.
Ива-плакса опростоволосилась,
Все свои гребёнки растеряла.

* * *

Кончался дождик. Шёл на убыль,
Последним жертвуя грошом.
И пели трубы, словно губы,
О чём-то свежем и большом.

Уже в предчувствии разлуки
С землёй, висел на волоске
И ввысь тянул худые руки.
Он с небом был накоротке.

О чём-то он бурчал, пророчил,
Твердил о том, что одинок...
Но память дождика короче
Предлинных рук его и ног.

Наутро он уже не помнит,
С кого в саду листву срывал,
Как он ломился в двери комнат,
И что он окнам заливал.

* * *

А на пороге осень –
Трефовая, бубновая...
Бросает карты в просинь –
На жизнь гадает новую.

А может, то не карты,
А золото монет,
То, что в огне азарта
Готова свесть на нет?

Что лето накопило,
Собрав в одной горсти,
Вмиг в горечи распыла
Всё по ветру пустив?

А может, и не деньги,
А что ценнее клада,
И что ей, словно Стеньке,
Швырнуть в пучину надо?

А может, то листовки
С призывом жечь и рушить,
Стволы дерев – винтовки,
Разделанные туши...

Мне осень ворожила,
Учила меня вздорному:
Разбрасываться жизнью
На все четыре стороны.

* * *

Мир – кропотливый ювелир,
Шлифует камешки столетий.
И жизни трепетный пунктир
На этом фоне незаметен.

Жизнь соткана из пустяков:
Осколков, капелек, безделок.
Их без поэзии очков
Не разглядеть. Рисунок мелок.

Так Блок, пылинку на ноже
Заметив, застывал, бывало,
И жизнь на новом вираже
Очам поэта представала.

Наброски, лёгкие штрихи...
Но из единственного мига
Однажды вырастут стихи,
Когда-нибудь родится книга.

Утро

Ночь опомнилась. Мгла рассеялась.
Тихо таяла без следа,
Но на что-то ещё надеялась
Растревоженная звезда.

В полусонном противостоянии
Заворочался шар земной.
И растаяло расстояние
Между завтра и мной.

Утро нежится в царстве грёзовом.
Так прозрачен его намёк.
Вздых о розовом, чём-то бросовом...
Раздувается уголёк.

Амба. Лопнула мира ампула,
В ночь просачивая зарю.
Утро – будущего преамбула.
Как сомнамбула, я смотрю:

Светом жиденьким озаримые,
В небе – контуры тополей...

Неприметное, неповторимое
Утро жизни моей.

Не мудрее – старее вечера,
Пробивающееся средь гардин,
Увеличивающее перечень
Невозможного впереди.

Я пытаюсь понять, на что оно –
Утро, вылупленное из сна,
В мир, где ныне мне уготовано
Место зрителя у окна.

* * *

Сонно нащупаю тапок.
Тает за окнами тьма.
Тихой крадущейся сапой
Сны покидают дома.

Влагой траву оросило.
Я из окошка смотрю,
Как эта ночь через силу
Переродится в зарю.

Утро – синоним пролога,
С жизнью единых кровей.
Яблоки солнечных блоков
Через авоськи ветвей.

Дня бытовое лекало.
Злоба. Усмешка юнца.
Всё это только начало,
Только начало конца.

* * *

В окне черно. Луна исходит жёлчью,
Кривясь на город.
Тоска собачья или даже волчья
Берёт за горло.

Зияет небо как сквозная рана,
Где гвозди – звёзды.
И для рассвета ещё слишком рано.
А может – поздно.

* * *

Вновь сижу – рука в руке – с тоскою,
Как с ночной больничною сиделкой.
Жизнь безделкой кажется такую,
С дьяволом бессмысленною сделкой.

Из окна прохладой потянуло.
Лбом к стеклу – в прощальной укоризне...
Ничего не слышно, кроме гула,
Ропота идущей мимо жизни.

* * *

На краешке любви, как на морской мели,
На грани бытия, на волосок от смерти...
Душа отделена от тела, от земли,
Летит куда-то в ночь посланием в конверте.

Расплавлена луна. Расширены зрачки
У звёзд, смотрящих вниз. Они за нас в ответе.
Рвать душу, как письмо, на мелкие клочки,
Пуская на распыл, на волю волн, на ветер...

Небесный почтальон не донесёт ответ.
Там, в путанице звёзд, какая-то ошибка.
Душа сошла на нет. Оскалился рассвет.
Застыла в облаках кровавая улыбка.

* * *

"Помоги мне", "пошли мне денег",
"Дай мне счастья в грядущем дне"...
Если б знать молитву без этих
Загребущих и жадных "мне"!

Сделай так, чтобы я любила
Больше жизнь, чем свои слова,
Чтоб однажды себя забыла,
Словно ветер, волна, трава.

Сделай так, чтобы больно было,
Чтоб понять, что ещё жива.

* * *

Я стучу в себя, как в стену:
"Как ты? Всё ещё жива?"
То рукой себя задену:
Ноги, плечи, голова –

Всё на месте, но не светит
Никому душа моя.
Не твоя, ничья на свете,
И сама я не своя.

Может быть, сходить в Горсправку?
Вынув несколько монет,
На себя подать заявку –
Есть такая или нет?

Сердце тукает слепое.
Я вникаю в свой недуг.
Словно в камере – с собою
Осторожный перестук.

Моя родная конура
Влечёт, как чёрная дыра –
Жить? Умирать?
Что наша жизнь? Игра, мура.
С ногами заберусь под бра
И – за тетрадь.

Я в нашу блочную дыру
Забьюсь, как зверь в свою нору.
Не всем везёт.
Однажды – ночью? Поутру? –
Я там когда-нибудь умру.
Качнётся ветка на ветру.
Ну вот и всё.

Теорема

Что-то в жизни каждому дано.
Надо доказать, чего ты стоишь.
Место, что в судьбе отведено
Для ответа, всё ещё пустое.

Опираясь не на чертежи,
А на то, что зыбко, эфемерно,
Пробую, осмеливаюсь жить,
Робко, неуверенно, неверно.

В каждой луже звёздочка дрожит.
Стебель пробивается сквозь кремний.
Всё это доказывает жизнь,
Словно знаки в школьной теореме.

В воздухе ликует стрекоза.
Бабочка соперничает с нею.
И деревья голосуют "за".
("Древо жизни вечно зеленеет.")

Нет пути, твержу себе, назад.
Выстоять – хоть не атлант, не стоик.
Надо исхитриться доказать
То, что жить на этом свете стоит.

* * *

Был художник прост. Миллион ей роз
Подарил, отмыв все грехи.
Продал дом, потом стал он бомж, отброс.
Но любовь сильнее всех стихий.
Если ты поэт – всё на свете брось.
Свою жизнь преврати в стихи.

* * *

Выключаю телевизор:
Крики, бомбы, взрывы в шахте...
За окошком лунный мизер
И дождя бесшумный дактиль.

Где-то под горой убитых
Задыхается Россия.
Здесь же – штор глухих защита
И стиха анестезия.

* * *

Как только снова небо вызвездит
И лампа вспыхнет, ослепя –
Даю подписку о невыезде
Из дома, из самой себя.

Даю подписку Богу, ангелам,
Ночной всевидящей судьбе,
Что – ни в Америку, ни в Англию,
Пока должна самой себе,

Пока должна я свету, музыке,
Пока слова ещё не те –
Клянусь, не выйду даже к мусорке,
Ни к раковине, ни к плите.

Я буду слушать звуки трубные,
Пока не искуплю греха
И не раскроются преступные
Хитросплетения стиха.

* * *

Комната о четырёх углах.
А я – её уголовница.
Я – преступница на словах.
Чернокнижница, чернословница.

Как тот раб, уж давно побег
Из себя самой замышляла я.
Но куда сбежит добровольный зек,

Вросший в логово обветшалое?
Мил домашний мне мой арест
В отрешённости своей дикости.
Видно здесь мне нести свой крест,
Пока смерть на волю не выпустит.

* * *

Музы худосочные заморыши,
Мясо поэтических основ:
Замыслов утробные зародыши,
Холостые выкидыши слов.

Разрожусь ли строчкой элегической
Иль сама их выброшу за борт, –
Только б не цензуры хирургической
Идеологический аборт.

* * *

Писать уж больше не могу.
Рука сейчас отвалится.
А голова моя – чугунок,
В котором что-то варится.

Как отзовется то, что в нём?
Кому-нибудь – понравится,
Кто – равнодушным будет пнём,
А кто-то и отравится.

* * *

Лелею искомые строчки,
Как будто приبلудных котят.
Такие ж они одиночки,
И так же вниманья хотят.

Дитёнышей ласково кличу,
Даю им еду и питьё,
И всё, что они намурлычат,
Шутя выдаю за своё.

Но вот уж какую неделю
Меня эта мысль бередит:
Котят ли лелею на деле
Иль грею змею на груди?

И эта змея, как Олега,
Ужалит однажды до слез.
Поэзия – это не нега,
А полная гибель всерьёз.

* * *

Поэзия должна быть делом личным.
Кто Музу дома в старом пиджаке
Встречать не посчитает неприличным –
Тот с вечностью всегда накоротке.

Писать своё, до грани, до предела
Интимное, на смех или на грех.
Поэзия должна быть личным делом.
И лишь тогда она нужна для всех.

* * *

Поэзия границ не знает.
Ты возвращаешься домой,
Ногой устало дверь пиная,
Голодный, суетный и злой,

А тут она вдруг на пороге
Встречает, трепетно светла...
Иль даже раньше, на дороге,
Где машет ветками ветла.

Поэту нужно так немного.
Под каждым камнем спят стихи.
Вот пёс перебежал дорогу –
И в нём поэзии штрихи.

Идут её флюиды с крыши,
Где кот мяучью речь ведёт.
Прислушайся – и ты услышишь...
Взгляни вокруг – она нас ждёт.

* * *

Раньше знали их и птицы, и листва,
А потом их грязью мира с неба стёрло.
Я ищу неизреченные слова,
От которых перехватывает горло.

Сор планеты ворошу и ворожу.
Воскрешаю, как забытую порфиру.
Я их лентою судьбы перевяжу
И отправлю до востребованья миру.

* * *

Откуда рассвет приходит?
Куда уходит закат?
Какую из двух мелодий
Мы выберем наугад?

С горчинкой любая сладость.
А горечь порой сладка.
Куда утекает радость?
Откуда идёт тоска?

* * *

"Как дела? Какие планы?" –
Слышим часто от других.
"Как здоровье? Как зарплата?" –
Сами вопрошаем их.

Всяк во всё суёт свой носик
Так, как долг ему велит.
И никто, никто не спросит:
"Как душа? О чём болит?"

* * *

Когда цветов лежит копна,
Весь стол мой погребя,
Я чувствую себя как на
Похоронах себя.

Я всех цветов не обниму.
Смущением горю.
"Спасибо, что вы, ну к чему,
Не надо," – говорю.

Но что-то вот уже не так
Во мне и на земле.
Вся комната моя в цветах.
Душа моя в тепле.

Гляжу на хрупкость красоты,
На стеблей свежий срез,
И чувствую, как те цветы
Нужны мне позарез.

Фёдор Сологуб

Он ждал её. В окошко: "скоро ль?" –
Выглядывал на дню раз пять.
К обеду ставил два прибора
И простыни велел менять.

Вязанье с воткнутою спицей,
Тетради, книги, – всё, как в ту
Минуту, день, когда, как птица,
Она вспорхнула в высоту.

Когда ж Нева весною вскрылась
И тело, вмёрзшее меж льдин,
Нашли, когда ему открылось,
Что он воистину один,

Что никогда уж не разует
И не коснется этих губ, –
Не закричал, не обезумел,
А был спокоен Сологуб.

Застыло, как заледенело,
Его усталое лицо,
И на руку себе надел он
С любимой снятое кольцо.

Выл в голос ветер, отпевая...
Она, укутанная в шёлк,
В гробу лежала, как живая,
А он за гробом мёртвый шёл.

В своём миру далёком, дивном
Он затаился, тих и мал.
И никуда не выходил он,
И никого не принимал.

Когда ж минуло тридцать суток
Под тяжким бременем потерь,
И, опасаясь за рассудок
Поэта, застучали в дверь,

Увидели: свеча мерцала.
И цифры, цифры – счёту нет...
"А это – дифференциалы", –
Спокойно объяснил поэт.

О, не невротик, не фанатик,
С ума сошедший от тоски,
Поэт – он был же математик,
Ночами заполнял листки

Столбцами цифр, и, торжествуя,
Всё ж вычислил, что он не миф,
Что существует, существует
Тот свет, потусторонний мир!

И стал он появляться в свете,
Приветлив, ровен, как всегда.
Ведь то сам Бог ему ответил:
"Соединюсь ли с нею? – да!"

Решив важнейшую задачу,
Он снова жил, не видя дней.
И лишь стихи читал иначе,
Чем раньше, чем тогда, при ней...

Она ему являлась в нимбе.
Он ждал у бездны на краю,
Когда же он её обнимет
В раю, снегурочку свою.

Не ведая ни сном, ни духом,
Что знала лишь она сама:
Что в пропасть чёрную шагнула,
Любя другого без ума.

Борис Поплавский

В любой среде казался чужестранцем он,
Сошедшим со страниц Эдгара По, –
Поэт Руси из царства эмигрантского
С прививкою Верлена и Рембо.

Не сноб и не эстет в перчатках лаечных –
Дикарь, повеса, словом, низший класс...
Далёкой скрипкой в хоре балалаечном
Была его поэзия для нас.

Стихи являлись в вещих снах не раз ему,
Они росли как волны и трава –
Не подотчётны логике и разуму,
Вернувшиеся в музыку слова.

Бесчувствен к шуму славы, к звону денег ли,
Себе лишь сам и раб, и господин,
Из сотен монпарнасских современников
Он слышал эту музыку один.

Он знал, что мир оправдан только музыкой –
Мерилом всех поступков и утех.
Она была наградой и обузой,
Преградою того, чем был успех.

Высокое его косноязычие
Творило пир печали и тщеты:
Ничтожества античное величие,
Поэзию роскошной нищеты.

Его ни разу – даже ночью женщины –
Не видели без матовых очков.
Он укрывал зияющие трещины
Расширенных наркотиком зрачков.

Росинкой мака сыт был, с неба манною –
Бродяга, шантрапа, опиоман...
Надтреснутой мелодией шарманочной
Сочился в мир стихов его дурман.

Он нёсся в ночь планетой беззаконною,
Сжигая за собою все мосты,
Сходя с ума в пространство законное
От скорости, свободы, пустоты.

Фантазия бредовую заразою
Язвила мозг. Он ею был ведом,
Рождая Аполлонов Безобразовых
И чёрных ослепительных мадонн.

Сквозь снежный сумрак мне мерцала тень его,
Кларнета пение, лиловый дым...
Как это полагается у гениев,
Он умер своевольно молодым.

В двадцатом он ушёл за море с Врангелем,
А в тридцать два – шагнул в ночную тьму...
Мир флагов, снега, дев, матросов, ангелов
Навек замолк. Но вопреки всему

Мелодией, вобравшей всю истерику
Души, преодолев её предел,
Домой с небес к единственному берегу
Он через смерть и время долетел.

Леонид Губанов

Не печатали поэта, не печатали.
Он оставлен был России на потом.
Словно шапку в рукава – в психушки прятали,
И ловил он, задыхаясь, воздух ртом.

Только в пику всем тычкам и поношениям,
Козням идеологических мудил,
Жизнь брожением была, самосожжением.
Он на сцену, как на плаху, выходил.

Кровь бурлила и шальное сердце бухало,
И, казалось, наливал ему сам Бог.

Был он братом и по крови, и по духу им –
Всем великим собутыльникам эпох.

Нет, недаром, видно, так пытал-испытывал
И отметил щедрой метою Господь.
Недостаточность сердечная? Избыточность!
Не вмещалось это сердце в эту плоть.

И, пройдя его, слова сияли заново,
И срывали с уст молчания печать.
Невозможно их читать – стихи Губанова.
Ими можно лишь молиться и кричать.

* * *

Поэзия не знает дня рожденья.
Ещё не воплощённая в словах,
Она была озвучена гуденьем,
Журчанием, шептаньем в деревьях,

Небесным громом, рыком динозавров...
Заполнив чёрный космоса провал,
Зародыш поэтического завтра
В утробе мира тайно созревал.

Из бренной пены, вдохновенной дрожи,
Выпутывая голос из сетей,
Она рождалась, тишину корёжа
Страдальческим мычаньем предлюдей.

Теперь уже не вызнать, не исчислить,
Как чувства, переросшие инстинкт,
Преображались постепенно в мысли,
Как те потом перетекали в стих...

Добравшись до истоков этой жажды,
Себя на любопытстве я ловлю:
Кто, на каком наречии однажды
Исторг из глотки: "я...тебя...люблю!"?

Сквозь хаос ритмов, щебетанье птичьё
Пробилась мука музыки немой.
И было тех слогов косноязычье
Рождением поэзии самой.

* * *

Пока ещё не проклята,
Пока ещё не продана,
Любовь держите впроголодь,
От сытости помрёт она.

Пока она голодная –
Бесплотная, воздушная.
Накормишь – станет плотною,
Тяжёлой, равнодушною.

Не полетит по-прежнему
Заоблачными руслами.
Не оттого, что грешная,
А оттого, что грузная.

* * *

Жизни нет от полноты.
Нечего надеть.
Мне для счастья полноты
Надо похудеть.

Ненавижу полноту
И всё то, что с ней
Как-то связано в быту
Человеко-дней.

Полной грудью не дышу
(может лопнуть шов),
Полной рифмой не спешу
Украшать стишок.

Полноводная река –
Мне и та тошна,
И пошлее колобка
Полная луна.

Надо, надо, – говорю, –
Зверски голодать.
И готовностью горю
Полсебя отдать

В жертву будущей себе,
Стройной, как газель...
Голод с совестью в борьбе
Спрячт и досель.

* * *

Под аркой радуги, в кольце обнявших рук
Так ярки радости, не ведавшие мук.
И жизнь домашняя, ручная, как зверёк...
Любовь вчерашняя, я слышу твой упрёк.

Как мы под ливнями бежали под плащом,
Как счастье пили мы и жаждали ещё...

Осенним золотом закрыло вышину.
Прости мне, молодость, покой и тишину.

* * *

О, где тот младенческий пир,
Свет, бивший из скважин,
Когда был загадочен мир,
А не был загажен.

Когда и не брезжило дно
У чаши сосуда,
И всё нам казалось чудно,
И всё было – чудо.

* * *

Ну можно ль по душе – пешком,
Не снявши башмаков?
Душа теперь уже с душком,
Черна от синяков.

Была нетронута чиста,
Как горные снега.
Теперь на белизне листа
Следы от сапога.

В обитель тихой старины,
Зализывая кровь,
Душа уходит из страны
По имени "любовь."

* * *

Писем перечитыванье милых –
То, что пылью времени сокрыто –
Всё равно что разрывать могилы,
Где собака истины зарыта.

Словно в юность отворится дверца.
Ты поймёшь: ничто там не забыто.
Будешь плакать над разбитым сердцем,
Как старуха в сказке над корытом.

* * *

Давно я уже не летаю,
Не шью себе клеши уже,
А только прорехи латаю
В быту, и в судьбе, и в душе.

Что может быть ниже и плоше?
Рассыпался рай в шалаше.

А вместо летающих клёшей –
Калоши, лекало, клише.

* * *

Не умею и не буду
Штопать старые носки.
Пусть скопилось их до пуда –
Это ль повод для тоски?

Как бы жизнь свою заштопать,
Всё, что выпало порвать,
Все её прогалы чтобы
Нитками заштриховать.

Шила долго, да без толку.
Видно, дело моё швах.
Жизнь не слушает иголку,
Расползается на швах.

* * *

Как жизнь однообразна:
Трамвай, тетрадь, чаёк...
Как скуп на взгляд пристрастный
Сухой её паёк.

А то, что лучезарно –
Всего лишь только грим...
Как мы неблагодарны,
Когда так говорим.

* * *

И вновь, как в юности, почувится
Вслед канувшей в ночи звезде –
Сегодня непременно сбудется...
Неважно – что, неважно, где...

Всё будет так же, как в четырнадцать,
Как в звёздный час, летящий миг,
Когда дурындюю настырною
Ломилась к счастью напрямик.

* * *

О сирень четырёхстопная!
О языческий мой пир!
В её свежесть пышно-сдобную
Я впиваюсь, как вампир.

Лепесточек пятый прячется,
Чтоб не съели дураки.

И дарит мне это счастьеце
Кисть сиреневой руки.

Ах, цветочное пророчество!
Как наивен род людской.
Вдруг пахнуло одиночеством
И грядущею тоской.

* * *

Не жалко мне, чего не испытала.
Я радуюсь, чему никто не рад:
Что вечно будут муки от Тантала,
Что вечно будет зелен виноград.

Пусть недоступно манит плод запретный.
Благословенна жажда над ручьём.
Да не поддастся жизни шифр секретный
Разгадке, отпираемой ключом.

Прекрасно всё, что мной недостижимо,
Как в небесах далёкая звезда.
Пусть мёд течёт не по устам, а мимо –
Зато мне будет сладок он всегда.

Нам обладанье оставляет пепел.
Съесть или выпить – то же, что убить.
А вот любить звезду в высоком небе
Мне даже Бог не может запретить.

Послание

Я вижу луны в полумраке
Загадочный очерк лица,
Звёзд прыгающие знаки,
Похожих на почерк отца,

Снежинок узорное чудо,
Деревьев зловещую стать..
Всё это – посланье оттуда
Для тех, кто умеет читать.

* * *

Поздравительные открытки,
Тиражированные слова.
Распродажа на диком рынке
Чьей-то дружбы, любви, родства.

Заштампованное искусство.
Золочёная вязь письма.

Заменитель живого чувства,
Жалкий слепок, протез ума.

Расписная фальшивка, нежить...
Погребла она под собой
И невысказанную нежность,
И невыплеснутую боль.

Заказное "люблю, желаю"
На душе не оставит след.
Так не шлите мне, умоляю,
Мёртвый глянец, чумной билет!

Тут не нужно большой отваги,
Чтоб однажды присесть в тиши,
И слова расцветут, как маки,
На обычном клочке бумаги,
Но свои, из своей души!

* * *

Без сучка и задоринки гладкая ложь,
Равнодушия сытый и гляцевый нолик.
Всё округло и залакировано сплошь.
Их ничем не зацепишь, ничем не возьмёшь.
Крутит жизнь без конца этот розовый ролик.

Так привычен, наезжен ровнёхонький путь.
Как боитесь прервать этот замкнутый круг вы!
Но откроет, прочтёт ли когда кто-нибудь
Заскорузлую нежность, щемящую суть
И любви угловатой корявые буквы?

* * *

Я знаю, в жизни надо лгать:
Скрывать, кроить, кривить.
Без кройки платья не сметать,
Лишь тканью стан обвить.

Поток материи, скользя,
Струится, устрасив.
Твердят мне модники: "Нельзя!
Прохожих не смеси!"

Неноскость этого всего
Здесь каждому видна.
Ну что с того, ну что с того?
Я так ношу одна.

Презрев гармонию вещей,
У бездны на краю

Ни жизни, ни души своей
Кроить я не даю.

* * *

Ложь наострила лыжи.
Ляжет лапша на уши.
Лажа нам ноги лижет.
Боже, избавь от чуши!

Ложь нашу жизнь стреножит.
Сбрось с себя эту тушу!
Ложь ничего не сложит,
Только разрушит душу.

* * *

А если чуточку совру,
Прикинусь вещью гурю,
А если я сфальшивлю раз,
Кто догадается из вас?

Но это видят облака,
Хотя глядят издалека.
И это чувствует луна,
Читая строчки из окна.

* * *

Только правды хочу, только вещи, какой она есть.
Не любви к оболочке пустой – понимания сути.
Не похвал фимиами благовонный – не трогает лесть.
Не Фемиды бесстрастную речь – ибо кто они, судьи?

Не страшусь ни молвы поношенья, ни мстительных стрел.
Есть особая степень души, где уже не виляют.
Я иду под упрёк, как солдаты идут под обстрел.
Только правды глоток, а потом пусть меня расстреляют.

Национал-патриотам

А вам, друзья, я так отважусь
Сказать, поскольку здесь живу я.
Люблю Россию, но не вашу,
Сусальную и неживую.

Люблю не миф, не сверхдержаву.
Я, здешних улиц уроженка,
Люблю Россию Окуджавы,
Шаламова и Евтушенко.

Не древних сказов благолепье,
Где столько патоки и фальши,

Не только пажити и степи,
Но и проспекты, и асфальты.

Не терема и не усадьбы,
Люблю Россию без рисовки.
Что в нос вы тычете нам лапти,
Коль сами носите кроссовки!

России благостной, обильной,
С икрой, что ели до отвала,
Той, что вы чванитесь умильно,
На свете не существовало.

России в мирном хороводе,
Молящейся под образами, –
Такой и не было в природе,
Её вы выдумали сами.

Люблю, не пряча слова злого,
Когда глупа она, жестока,
Русь Гоголя и Салтыкова,
Русь Чаадаева и Блока.

Не тот зовётся патриотом,
Кто водку хлещет, как Есенин,
А тот, кто делает хоть что-то,
Кто мрак пытается рассеять.

Россию любит, кто ей служит,
Кто за неё пойдёт на плаху,
А не позёр, что бьёт баклуши
И рвёт у ворота рубаху.

* * *

Страна больна смертельно. И преступно
Не видеть этих признаков в упор.
Спокойно спать, покуда запах трупный
Сочиться будет из щелей и пор.

Её кровавой рвоты от отравы
Гнилья помоек, радиовранья
Не видеть, воспевая лишь дубравы,
Берёзок шум да трели соловья.

Не любите Россию вы. Ну разве
Любовь это – в её последний миг
Хвалить красу, не замечая язвы,
И славить глас, не разумея крик?!

* * *

Нет, не былью, а антиутопией
Сделать сказку русским довелось.
Господи, ужель твои подобию
Нашу жизнь кроили вкривь и вкось?

Ставить антипамятники впору им.
Скотный двор растёт, весь мир объяв.
Слаб Замятин, отдыхает Оруэлл
Перед тем, что выдумала явь.

* * *

Век бесчинств и нечистот.
Боль его ношу в груди я.
С перебоями частот –
Времени тахикардия.

Бой часов – как сердца сбой.
Пульс отрывистый и дробный.
"Всё своё ношу с собой",
подавляя крик утробный.

Может, это снится мне?
Взрывы, пули, злые лица...
Под ногами в глубине
Пропасть чёрная дымится.

* * *

Не для меня газетного вранья
Подножный корм и рапортов победность.
Не для меня и сытные края.
О Родина, о нищая моя,
Я жизнь свою подам тебе на бедность.

Съешь и её... Как Блок, скрывая грусть,
В душе тая бесстрашного бесёнка,
Писал, – судить его я не берусь, –
Что слопала, гугнивая, мол, Русь,
"Как чушка, своего ты поросёнка."

Другой Руси на свете не найти.
На место в сердце нету претендента.
Но с этой мне страной не по пути.
И в ногу мне не хочется идти
С лукавым и гугнявым президентом.

* * *

Трёхкомнатное логово души
Меняю на безадресное небо.

Меняю символ века барыши
На то, что бескорыстно и нелепо.

Меняю ваши баксы на рубли,
(Ведь у советских собственная гордость.)
Всех расписных красавчиков земли
Меняю на единственную морду.

Меняю весь свой жизненный улов
На золотую рыбку-одиночку
И тысячу своих дурацких слов
На Пушкина божественную строчку.

* * *

И вгрызается в горло нам век-бультерьер...
Мир издохнет от кровопотерь.
Дрессировщик – хозяин его – изувер,
Им науськан безжалостный зверь.

Этот пёс кровожаднее, чем волкодав.
Ему жизнь человека – обед.
Как же нам, не приемлющим волчий устав,
Одолеть тебя, век-людоед?

* * *

*У врат обители святой
Стоял просящий подаянья...
М. Лермонтов*

Стоит он, молящий о чуде.
Глаза источают беду.
– Подайте, пожалуйста, люди,
На водку, на хлеб и еду!

И тянет ладонь через силу,
И тупо взирает вокруг.
Да кто же подаст тебе, милый?
Россия – в лесу этих рук.

Я еду в троллейбусе тёплом.
Луч солнца играет в окне.
Но бьётся, колотится в стёкла:
"Подайте, подайте и мне!"

Подайте мне прежние годы,
Уплывшие в вечную ночь,
Подайте надежды, свободы,
Подайте тоску превозмочь!

Подайте опоры, гарантий,
Спасенья от избранных каст,

Подайте, подайте, подайте..."
Никто. Ничего. Не подаст.

* * *

Не от мира сего, а от мира всего
Я живу, не прося у него ничего.

Мне поездить по миру, увы, не пришлось,
Но в душе не держу ни обиду, ни злость.

Лишь бы мне по нему не пойти бы с сумой,
Постепенно сливаясь с вселенскою тьмой.

* * *

Нет хлеба. Что ж, не страшно.
Хватаю горсть монет,
Бегу, а там – бумажка:
"Закрыто на обед."

Нет масла, макарон.
Семь бед – один ответ.
Спешу я к гастроному,
А на дверях – "обед."

Гляжу в слезах бессилья:
Нигде мне ходу нет.
Как будто вся Россия
Закрыта на обед.

1993

* * *

Русь – огромная деревня,
Что ни в чём – ногой ни в зуб,
Словно мёртвая царевна,
Ждёт спасенья – чьих-то губ.

Елисей прекрасный, где ж ты?
Оживи, спаси, явись!
Полумёртвая надежда
Простирает руки ввысь.

Скоро явится он сам уж,
Прямо с неба, как презент,
И возьмёт Россию замуж
Королевич-президент.

* * *

На верёвке сохнут вещи.
Летняя истома.

Одинокий флаг трепещет
Над балконом дома.

В вышине, где тонет око,
В беспределе неба
Он – как парус, одинокий
И такой нелепый.

* * *

Ты склонись надо мною в молитве,
Что, подобно печали, прочна.
Потому что, готовая к битве,
Я заранее обречена.

Заколотят доской гробовою.
Наметут над могилой снега...
Но опять я воскресну для боя,
Если рядом почую врага.

* * *

Телефон звонит в передней.
Я задерживаю шаг.
Почему-то медлю, медлю
Трубку тронуть за рычаг.

И гадаю: чей же голос
Прозвучит сейчас в тиши,
Утоляя вечный голод
Пира жаждущей души?

Кто хранит в уме неброский
Телефонный номер мой?
Кто так одинок сиротски,
Что звонит ко мне домой?

Чьё так искренно участие
И нужна я так кому,
Что звонок уж четверть часа
Надрывается в дому?

Я спешу на роскошь пира,
В мыслях радуюсь: виват!
– Это сауна? Квартира?!
Обознался. Виноват.

* * *

Диск телефонный. Терпенья зенит.
Ждешь, задыхаясь, подмоги, совета.
А механический голос бубнит:
"Ждите ответа. Ждите ответа."

Что нам готовит слепая судьба?
Как избежать нищеты и навета?
К Богу, рыдая, взывает толпа.
Ждите ответа. Ждите ответа.

Рвётся письмо к той, кого целовал,
Даль побеждая всесилием света.
В ящике чёрный зияет провал.
Ждите ответа. Ждите ответа.

Всё безответно: волна и листва.
Словно на отклик наложено вето.
Снова на ветер бросаю слова.
Ждите ответа. Ждите ответа.

* * *

Телефоны, телефоны...
Книжки стёртые края.
Каждый год их не без стона
Прочь вычёркиваю я.

С кем-то дружба разорвалась,
Переехала родня,
В ком-то разочаровалась,
Кто-то позабыл меня.

Ежегодные растравы.
Тонет комната в тиши.
Телефоны – переправы
От души и до души...

Вновь заполнены страницы.
Цифры – шифры новых встреч.
Как бы книжке сохраниться,
Всё, что в сердце – уберечь?

Если есть ты, Боже, где-то,
Звуком на душу навей
Телефон тепла и света,
Адрес радости моей.

* * *

Скажи мне, кто не одинок?
В души пустынном помещенье
Ютится нежности щенок,
Скуля тихонько о прощенье.

Непоправимо одинок
Всяк в этом мире однобоком.

Щенок – заплаканный комок –
Всё тычется под левый бок.
Кому-нибудь он выйдет боком.

* * *

Дверь покосилась. Змеиные трещины
Вьются по стенам. Сверху – вода.
Что-то здесь было кем-то обещано,
Но уж не вспомнить, кем и когда.

Страшно под этой крышей дамокловой.
Скоро не будет здесь ни души.
Сердце сквозит разбитыми окнами.
Дом опустевший моей души.

* * *

Пророки вечно в дураках.
Их жизнь тому порукой.
И ангел в серых облаках
Глядит сердитой букой.

Как будто лишь одну виня
Во всей вселенской дури,
Он смотрит сверху на меня,
Как волк в овечьей шкуре.

* * *

Пусть кто-то будет резок крайне,
Пусть кто-то борется и спорит,
А я – за гранью, я – за гранью
Добра и зла, любви и горя.

Пусть кто-то там слюною брызжет,
Кричит и кроет что есть мочи, –
Я буду выше этой крыши
И тише украинской ночи.

Меня не соблазните дрянью.
Дразните – буду словно пень я.
Ведь я – за гранью, я – за гранью...
Не выводите из терпенья.

* * *

Союз графоманов чеговамугодных,
Сплотила вас вместе бездарность бесплодных.
Содружество пьяных расплывшихся морд,
Где каждый вписался в один натюрморт:

На фоне своих доморощенных книжек –
А кто их читает? Да сами они же! –

Сидит среди водки, вина, огурцов
И мнит: он Высоцкий! Есенин! Рубцов!

* * *

Вот поэт, зовётся Цветик.
Он напишет вам сонетик.
Он не лабух, не лопух,
Он поэт-Винни-Пух.

В голове его опилки,
Рифмы копят в затылке.
Громоздясь на пьедестал,
Он нас всех уже достал.

Графоманы, графоманы –
Песни, повести, романы...
В них вся совесть, ум и честь –
Не издать и не прочесть.

Сколько их? Куда их гонят?
Что в шкафу они хоронят?
Кипы папок, ни рубля
И отказов штабеля.

Заберётся на диванчик
Наш болванчик-одуванчик
И вершит души полёт.
Ай да Цветик-виршеплёт!

С музой заключая сделки
На шумелки и пыхтелки,
Он плодит их, как акын.
Ай да Винни, сукин сын!

Это творчеством зовётся.
Слово наше отзовётся.
Бочку – даром что пусту –
Слышно людям за версту.

Мопассаны, Г., Т. Манны
Тоже были графоманы.
Просто этим повезло.
И опять судьбе назло

Он над опусом колдует...
Бог иль сын его диктует.
Так они вдвоем с Христом
Лист марают за листом.

Если вирши не по вкусу –
Все претензии к Иисусу.
Это он надиктовал
Сей продукции обвал.

Вы не смейтесь над поэтом.
Он явился к вам с приветом.
У него надменный вид.
Будет Цветик знаменит.

Он не пашет и не строит,
Он – звезда, он астероид,
Залетевший издаля
На планету к нам Земля.

Вот пройдёт лет двести-триста –
Он тогда, как Монте-Кристо
Критиканам отомстит –
Высоко наш Пух взлетит.

Будет он в обойме звёздной.
Мы поймём, да будет поздно,
Что такую-то строку
Не найти во всём веку.

Графоманы, графоманы...
Где же ваши Эккерманы?
Каждый сам себе божок.
Пожалей его, дружок.

Цветик, Винни-Пух, Незнайка, –
Своё имя выбирай-ка.
Чем не звучный псевдоним?
Кто скрывается под ним?

* * *

Меня от Достоевского знобит:
Углы, подвалы, жёлтые билеты...
Герой всегда изломан и забит,
И что ни героиня – то с приветом.

Истерики, чахоточных плевки...
То в дрожь тебя бросает, то в зевоту.
О мир, где вместо неба – чердаки,
А лучшие из лучших – идиоты!

* * *

Душа глухонемая, безъязыкая –
Забыла все нездешние слова.

Такая жизнь бездушная и дикая,
Что у души все отняты права.

Она уже не грустная, а грубая.
Ей пища не амброзия, а дрянь.
Хотела бы сказать: "На холмах Грузии..."
А извергает матерную брань.

* * *

В мире зла и бизнеса, что низмен,
Где стихи – синоним слова "чушь",
Призраки – отнюдь не коммунизма –
Бродят по ступеням наших душ.

С трепетностью первого причастья
Бледной тенью ходят за людьми
Призраки несбывшегося счастья,
Неосуществившейся любви.

Словно Божья жалость или милость –
Этот сон, приснившийся во мгле,
То, что обещалось и томилось,
Но не приключилось на земле.

И порою думалось мне втайне,
Что журавль воздушный вдалеке –
Подлиннее, ближе и реальней,
Чем синица в цепком кулаке.

* * *

Луне, как и мне, не спится.
Отчетливый профиль сердит.
Сквозь ветви, как сквозь ресницы,
Бессонное око глядит.

Прожектором жёлтым шаря,
Что ищет в моей глубине?
Не девочка я на шаре –
Мюнхгаузен на луне.

Зелье

Отведай мой – хвала Иусу! –
Ночной коктейль (или чифирь?)
В него положены по вкусу
Луны лимон и звезд имбирь.

До самого явления Феба
Тяни напиток тот в тиши
Из чаши драгоценной неба
Через соломинку души.

Испей – и не бывать обиде,
Безде...а сам виновник грёз
В глазах восторженно увидит
Полночный след луны и звёзд.

* * *

Надену старый свитер чёрный,
До самых глаз надвину ворот,
Чтобы о том, что в сердце сорно,
Черно, угарно и минорно,
Вовек не догадался ворог.

Который был когда-то дорог.

* * *

Расплакался дождь. Не от боли,
А просто без всяких причин.
Земля приняла поневоле
Одну из небесных кручин.

И дождику так помогала
Умением всё принимать,
И слезы его промокала,
Как старая добрая мать.

* * *

Я столкнулась с дождей беспределом.
Мир захлёбывается в дождях.
Извиваясь чашуйчатым телом,
Пляшут бешено на площадях

Их дождинки, дробинки, сардинки...
Обретая вселенский размах,
Превращаются в градинки, льдинки,
Бьют чечётку на головах.

И жила несусветная сила
В тонких жилах химеры босой.
Беспредметная ярость сквозила
И косила, как будто косой.

Только краешек выглянул солнца –
Дождь беспомощен стал и нелеп.
Был похож на косоного японца,
А теперь и подавно ослеп.

* * *

Когда-нибудь накроет прессом,
Жизнь обломает, как сирень,

И я уйду порожним рейсом
За даль просторов и морей.

Заря размашистою кровью
Небесный тиснет некролог,
А дождь заплачет в изголовье,
Смягчив его казённый слог.

* * *

"Меня никто не любит, только Бог", –
Она сказала, и меня пронзила
Горючих слов, запёкшихся в комок,
Слепая и бесхитростная сила.

Но я была не в силах верить в них,
Глядясь в озёра глаз её усталых.
Душе своей, прозрачной, как родник,
Себе самой цены она не знала.

"Молилась я... И Бог мне помогал.
О, если б вам могла то передать я..."
И я училась, точно по слогам,
Неведомой чудесной благодати.

Наука оказалась нелегка.
У каждого в миру своя дорога.
И, слава богу, на земле пока
Мне есть кого любить помимо Бога.

* * *

На небе сейчас ни облачка.
Сердечки трепещут листьёв.
И я не стыжусь нисколечко
Банальности вечных истин.

Как будто мозги прочистило,
И ты понимаешь снова:
Вначале всего поистине
Господнее было слово.

Не надо тумана, мистики,
Всей этой словесной пудры.
А только б сердечки листиков
Да ясное это утро.

Как будто весь сор повытрясло,
И мира чиста основа.
Как после стихов бесхитростных
Валерии Соколовой.

* * *

Вчера на Шилова ходили мы.
Мы вышли чище и добрей.
Стихийный зрителей консилиум
Бурлил и спорил у дверей.

Цедили снобы: "Фотография!
Излишне яркие цвета."
Картины явно не потрафили
Тем, чья душа была пуста.

Слова не слушая огульные,
Мы шли неведомо куда.
Я ту старушку над багульником
Не позабуду никогда.

Монашка в чёрном Богу молится,
Но молодость в глазах сильней...
А эта шкодница, что "модница",
С наивной шляпкою своей!

Я не пойму, как это сделано?
Румянец щёк, бровей сурьма...
Да, техника. Но в этом дело ли?
Здесь жизнь сама, любовь сама!

Старик с такой тоскою братскою
Ласкавший сеттера у ног...
А эти матери солдатские
С бессильным выдохом: "сынок!"

Легли морщины поперечные,
А взгляд так ясен и глубок.
Какие лица человечные!
А снобы говорят: "лубок."

* * *

Ну сколько можно о Марине! –
Безмолвный слышу я упрёк.
Но я – о дочке, об Ирине.
О той, что Бог не уберёг.

Читала записные книжки.
О ужас. Как она могла!
Не "за ночь оказалась лишней"
Её рука. Всегда была!

Нет, не любила, не любила
Марина дочери второй.

Клеймила, презирала, била,
Жестоко мучала порой.

В тетради жёлчью истекают
Бесчеловечные слова:
"Она глупа. В кого такая?
Заткнута пробкой голова."

Всё лопотала и тянула
Своё извечное "ду-ду"...
Её привязывали к стулу
И забывали дать еду.

Как бедной сахара хотелось,
И билось об пол головой
Худое крохотное тело,
И страшен был недетский вой.

"Ну дайте маленькой хоть каплю", –
Сказала, не стерпев, одна.
"Нет, это Але, только Але, –
Марина – той, – она больна."

И плакала она всё пуще,
И улетела в никуда...
А может, там, в небесных кущах,
Ждала её своя звезда?

Являлась в снах ли ей зловещих?
Всё поглотил стихов запой.
Уехав, ни единой вещи
Ирины не взяла с собой.

Я не сужу, но сердце ноет,
Отказываясь понимать:
Поэт, любимый всей страной,
Была чудовищной женою,
Была чудовищная мать.

* * *

Н. Могучевой

Женщина, влюблённая в природу,
В музыку, поэзию, собак.
На балконе рвутся на свободу
Ленты, заменяющие флаг,

Трёх цветов. И полыхает, жарок,
Поражая посторонний взор,
Резеды, петуний и фиалок
Тщательно продуманный узор.

Слушает она в магнитофоне
Голоса весёлых певчих птах,
Засыпает ночью на балконе,
Утопая в звёздах и цветах.

В дневнике записывает мысли,
Уходя в себя от суеты,
Пишет замечательные письма
И печёт чудесные торты.

Женщина, живущая во власти
Тайного свеченья своего,—
Как она заслуживает счастья,
Сотворив его из ничего.

Это очарованное сердце
Не коснулась зависть или злость.
У его огня и мне согреться,
Как, должно быть, многим, довелось.

* * *

Тамаре

О женщина! Не различить лица.
Как имя твоё, открой?
"Вот дура", — кто-то плюнет в сердцах.
"Святая", — вздохнёт второй.

Но будет для всех лучом и ручьём,
Чтоб мир не иссох, не сдох.
"Блаженная", — кто-то пожмёт плечом.
"Счастливая", — слышен вздох...

Бабье лето

Как будто и льнёшь, и ждёшь, но
Душа — как в параличе.
Нежна, но так ненадёжна
Рука на женском плече.

Осеннего дня короче
Тепло той ласки хмельной.
А утро мудрее ночи,
Жесточе и одиноче.
Спать вместе, а плакать одной.

Анкета

Перед ним лежал листок анкеты.
Взгляд его беспомощно блуждал.
Что тут думать, право, над ответом?
Не был. Не имел. Не состоял.

Вспоминал по Гамбургскому счёту
Всё, что было, мучило и жглось.
А в висках стучало обречённо:
"Не пришлось. Не вышло. Не сбылось."

Сосед

Эти не читают Пруста.
Всё, что свет – для них темно.
Он потянется до хруста
И – с утра за домино.

Крики "рыба", "пусто-пусто" –
От темна и до темна.
И кричала: "Чтоб те пусто!" –
Из окна ему жена.

Жизнь прошла без мысли, чувства...
Как-то встретила его.
А в глазах-то – пусто-пусто...
И мертво.

* * *

Что значит –на картошку посылать,
На посевную, овощную базу,
Младое племя – что за благодать! –
Наверное, не слышало ни разу.

История не раз их удивит
Словами: "персоналка", "аморалка",
"Звать на ковёр", "поставили на вид".
Сейчас они звучат смешно и жалко.

Давно уж снят студенческий значок.
Сор времени давно исчез из виду.
Но вспомню, как не ставили зачёт
Мне Ленинский – и не унять обиду.

* * *

Меня не обманывали деревья,
Книг хэппи энды, вещие сны.
Зверьё не обманывало доверья,
Птиц предсказанья были верны.

Ни гриб в лесу, ни ромашка-лютик,
Ни родники, что манили пить.
А обманывали только люди,
Которых я пыталась любить.

* * *

Шарманщики, акыны, трубадуры,
Хуглары и бродячие певцы,
Как далеки вы от литературы,
Людских отар живые бубенцы.

Природный голос доброго и злого,
Вы – воплощенье всех её стихий.
Засушенными бабочками слова
Казались вам печатные стихи.

Растили музу вы не в кабинете,
Не в пыльной тишине библиотек –
Под звёздным небом, в поле на рассвете,
Там, где свободно дышит человек.

В тени оливы, в зелени ранета
Струился вашей музыки родник.
Вы были сердцем, улицей, планетой,
А не сухими строчками о них.

Поэт

Несбыточен быт, безнадежна надежда,
Давно обносилась худая одежда,
Во рту – ни росинки, в кармане – ни гроша,
С душою бродяги – Вийона, Гавроша,

Бредёт он по жизни, Всевышним отмечен,
И строк жемчуга свои под ноги мечет.
Но люди их топчут бездумно и тупо,
И жёлуди предпочитают под дубом.

* * *

*О своём я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На ещё безмятежной челе.*

А.Ахматова

Ты – на целую тоску
Старше, больше и богаче.
Я храню твою строку
И порой над нею плачу.

Жизнь иль смерть тебе сестра?
Вижу с болью безутешной
Отблеск адова костра
На челе твоём мятежном.

Мальчик с белых похорон
Без забрала и без кожи...
Ты из тех, других ворон,
Из породы непохожих.

Воспари же над собой,
Над обидой и бедою,
Не сгори в ночи слепой
Оборвавшейся звездой.

Нежность прячется в строфу.
Строчек сбитые коленки...
В синей папке на шкафу
Я храню твои нетленки.

* * *

*Я – чокнутый, как рюмочка в шкафу
Надтреснутая.. но и ты – с приветом.*

А. Кушнер

Она пьёт водку, словно подданная русская.

О. Митяев

Под этим небом, выпитым до дна,
Вернее, штукатурным небом в триста
Свечей, немного красного вина –
И мир бездомный обретает пристань.

Мы чокаемся рюмочками всклень, –
И звук стекла, как нота, ухо режет –
За этот дом, за сталинскую смерть,
За твой успех, что за горами брезжит.

"Как подданная русская..." – сей дар
Мне не был дан, расхристан и неистов.
Ты пьёшь один данайцев солнцедар.
Так спаивают русских сионисты.

Чем чаще взмах бестрепетной руки –
Тем музыка души твоей всё глуше.
Я вижу, как глотки твои горьки,
Как тело перекрикивает душу.

Остановись! Не отдавай за грош
Заветной ноты чистоту и мяту.
Пока еще ладонь не смяла дрожь,
Пока ещё душа твоя не смята.

О пьяниц и поэтов братский класс!
Бредёте вы, куда не зная сами,
То с наливными рюмочками глаз,
То с кроличьими красными глазами.

Физкульт-привет! Что – этот хмель земной
Против того небесного букета?!
Я – чокнутая рюмочка с виной
Взамен вина. Но ведь и ты – с приветом.

* * *

Ты весь – как заросший, запущенный сад,
Откуда уже нет дороги назад.
Запущенный шарик в земной непокой
В небесном угаре Всевышней рукой.

Игрушка на ёлке, кружась и слепя,
Напомнит, как в детстве дразнили тебя.
Но кокнулся шарик – такие дела.
И трещина та через сердце прошла.

Заплаканный мальчик поёт о весне,
Но падает белогорячечный снег.
Деревья, как демоны, встав на пути,
Пророчут, что выход уже не найти.

Душа-побирушка, бобылка-душа,
Всегда за тобой ни кола, ни гроша.
Но снова ты голубем рвёшься в полёт,
Где ангел невидимый в ризах поёт.

* * *

Звёзд горящий уголёк
Чертит путь ко мне.
Как безумный мотылёк,
Ты летишь на огонёк,
Что в моём окне.

Бьёшься слепо о каркас,
Что тепло дарит.
Слышу с неба Божий глас,
И не знаю, кто из нас
Раньше обгорит.

* * *

Не обида больно ранится,
Не болезнь терзает плоть –
С нежностью никак не справиться,
Жалость не перебороть.

Сестры единоутробные,
Одинаков ваш звонок.
"Дитяtko моё голодное..."
"Не ушибся ли, сынок?"

Страсть оставит равнодушною,
Речи, полные тоски,
Но не шея золотушная,
Не дырявые носки.

Вывернув всю подноготную,
Загрызут тебя, поверь,
Нежность – страшное животное,
Жалость – беспощадный зверь.

* * *

Детской слабостью твоей обезоружена,
Всё гадаю: кем ты будешь, кто ты есть
В этой жизни сумасшедшей, обездушенной,
Под названием "Палата № 6"?

Будешь к Бахусу кидаться за защиту
И судьбе своей препятствия чинить.
Будешь рёбрышки гитары пересчитывать,
Будешь перышки гусиные чинить.

Пусть бы музok легион на шею вешалось,
Пусть сердчишки разбивал бы им шутя, –
Что угодно, чем угодно пусть бы тешилось,
Только б лишь оно не плакало, дитя.

* * *

Меж наших душ, их полярным сиянием
Не поспешил на расстояние
Бог, разведя далеко берега.
Что ж мне дорога твоя дорога?

Я отношусь к тебе вне этих бренокстей:
Всяческих нежностей, ревностей, верностей.
Кроме души, ничего не ишу.
Птицу письма в небеса отпущу.

Вновь повторяю и устно, и письменно
Вечные, кем-то избитые истины.
Рвётся душа из графлёных тенет.
Я тебя слышу, а ты меня – нет.

* * *

Я опять пишу тебе в блокноте.
Не трудись, коль мне ответишь ты

Не на той же высшей пробы ноте
Подлинности, правды, чистоты.

Я пишу, рискуя и взыскую,
Суррогат почуя за версту.
Не тебе я строки адресую –
Богу, чёрту, в прорву, в пустоту.

* * *

*Я пишу никому,
потому что сама я никто.
И. Лиснянская*

Пишу неизвестно зачем и кому,
Хоть адрес конкретный указан.
То, что просияло звездой сквозь тьму,
Зачем доверяю я фразам?

Звуча потаённо на все голоса,
Оно и без писем известно.
Как бабочки, ангелы и небеса –
Безадресно и повсеместно.

* * *

Гроздь грез, словно майских гроз...
Не нуждается сердце в роздыхе.
Незадавшийся мой вопрос,
Словно радуга, виснет в воздухе.

Не понять мне никак умом,
Что искала в тебе упорно так?
Почему я к тебе письмом,
Как лицом на восход, повёрнута?

Но молчи. Какой с тебя спрос?
Мне дороже свобода вящая,
Никогда никакой вопрос
До ответа не доводящая.

* * *

Уравнения строк не сходились с небесным ответом.
Не давался мне синтаксис боли и логос тоски.
Ты приснился мне впрок в белом облаке лунного света,
И – где тонко, там рвётся – душа порвалась на куски.

Души белыми нитками шиты, причём наживую.
Их, до нитки обобранных, чуть прикрывают слова.
А любовь – живодёрня. Люблю – стало быть, освежую.
Губ закушенных кровью. И на плахе твоя голова.

Жизнь – ловушка. Ты ищешь лазейку, какой-нибудь дверцы,
Но заводит в тупик бесконечный её лабиринт.
В стенках клетки грудной детским мячиком мечется сердце,
И не знаешь, какой оно, глупое, выкинет финт.

* * *

Новое русло моей души.
Я от прежней себя в бегах.
Здесь в тиши поют камыши.
Так хорошо в его берегах.

Только серым крадётся волчком
Страх: дознаются, обвинят...
Как спартаец, живу молчком
С целым выводком лисенят.

* * *

Не судите то, что вам неведомо,
Не глядите грязными глазами.
Светлого, заветного, неспетого
Не отдам я вам на растерзанье.

Я сама в себе свой рай и ад несу,
Пламя, что без дыма не бывает.
Ваша брань настолько не по адресу,
Что меня ничуть не задевает.

* * *

Случайно подслушанный шёпот на плёнке, –
Как с раны запёкшейся сорвана плёнка.
С дымящейся раны звериной тоски
Слова отлетают, как мяса куски.

И тянет магнитом к дорожке магнитной,
Где грязь перемешана с чистой молитвой.
Ты это письмо не сочти за письмо, –
Оно не писалось – сказалось само.

Я слышу, как больно тебе и паршиво.
И, мышцы души напрягая, как жилы,
Ты падаешь, рвёшься, тыходишь в пике
И кляксы кровавые в черновике

Сажаешь, и шепчешь, и дышишь неровно,
Но чучело тела её хладнокровно.
Любовь не даётся нам в руки, увы!
Не передаётся путём половым.

Забудь этот номер пустой, морг-инальный,
Смирись, как со сценой спектакля финальной.
Бессмысленно плакать, молить, угрожать.
Её не оттаять и не отдышать.

Забудь всё, что жгло, озаряло, знобило.
Не любит она, никогда не любила!
Ты сердце своё, отпустив из тисков,
Разбил об неё на пятнадцать кусков.

Послушай, ты просто споткнулся о камень.
Такое с поэтами было веками.
Не мучай себя, не жалея ни о чём,
А время всегда было лучшим врачом.

И снова я в шёпоте том пропадаю,
Как Бродский, к отчизне глухой – припадаю
С не женской – другой, материнской тоской
К шершавой кассете горящей щекой.

* * *

Поменяла душевный покой
На чужую сердечную тайну...
Сколько лет ты мечтал о такой!
А другой её встретил случайно.

И никто не повинен в вине,
Только червь этот точит и точит.
Столько лет её видел во сне!
А другой её видеть не хочет.

Мир, погрязший в долгах и грехах,
Не исправить аккордом гитарным.
Ты талантлив в любви, как в стихах,
А она достаётся бездарным.

Как в той сказке, где был соловей
Настоящим и подлинной – роза,
Но принцесса шотландских кровей
Отвергала их, точно отбросы.

Не любимый в чести, а любой.
Вот и всё, чем эпоха богата.
Как всегда, нелюбима любовь,
Но зато нарасхват суррогаты.

* * *

Ещё твои молитву шепчут губы,
Но санки приросли к чужим саням.

Опомнись, Кай, она тебя погубит!
Ты мчишься в ночь, сомненья прочь гоня.

Нельзя направо и нельзя налево...
Похищенный, расхищенный дотла,
Ты спишь у ног ледащей королевы,
Не ощущая холода и зла.

Не видя, что кривое – зазеркалье,
С душой рабыни – эта госпожа,
Желающая, чтобы песни Кая
Служили ей сонатами пажа.

Забудешь ты и бабушку, и Герду
От поцелуя хладнокровных уст
И с корнем вырвешь из слепого сердца
Ненужной дружбы расцветавший куст.

Лоб запрокинут. Путь высокий, Млечный.
И снежных вихрей злая круговерть.
Пытаешься сложить ты слово "вечность",
Но вновь рука сама выводит: "смерть."

Ад в тереме, что высится, сверкая,
Счастливее ли рая в шалаше?
Осколки. Леденеет сердце Кая.
И Герде не спасти его уже.

* * *

Так беспоследственно и бесполезно
То, что в душе я ношу.
Блажью назвать это или болезнью?
Данью ли карандашу?

Скрыть – невозможно, сказать – безнадёжно,
Молча потупить глаза.
Истину ты никогда не найдёшь, но
Знают её небеса.

Кровно, кроваво, нерасторжимо
Свяжут души миражи.
Что с этим в жизни делать, скажи мне?
Что с этим сделает жизнь?

* * *

Не малодушие-великодушие
Эти слова заставляет обрушивать.
Просто душа, что хранит на плаву,
И безвоздушность, в которой живу.

Мне не хватило какой-нибудь малости –
Чутьочку смелости, капельки жалости.
Я отступила, в себе унося
Острое лезвие слова "нельзя".

Всё разметало ветров дуновением,
Но и под слоем глухого забвения
Что-то живёт, не проходит, болит
И позабыть до конца не велит.

Я прислоняюсь к тебе, словно к дереву.
Пол не причём. Только сердце. Поверь ему.
Слов листопад, снегопад, звездопад.
Всё невпопад, невпопад, невпопад...

* * *

И некому послушать,
И не с кем говорить...
Кому скормить бы душу?
Кому себя стравить?

"Согреть другому ужин"...
А после ждать ножа?
Чужому ужин нужен,
А вовсе не душа.

Убережась от блажи,
Сбежит в свои края.
"На кой мне чёрт, – он скажет, –
Нужна душа твоя?"

И кличешь, как кликуша,
Того, кто скажет: "пить"...
Кому скормить бы душу?
Кому себя стравить?

* * *

Наверно, ослепил неон...
Мне показалось вдруг,
Что ты мне друг, а ты – не он.
Я обозналась, друг.

Не просыхаю от утрат.
Все в чёрном зеркала.
Ты мне не друг, ты мне не брат.
Такие, брат, дела.

* * *

Ты – то, с чем я справилась. Сердца бойня
Закончилась – скоро год.

От первой листвы ещё чуточку больно,
Но это пройдёт, пройдёт.

Июль целебной травой залечит,
Сентябрь зальёт дождём.
Зима похоронит, увековечив
Своим ледяным литьём.

Я сердцу скомандовала: "хватит!",
Стать смиренным ему велев.
Теперь оно как оловянный солдатик,
Что утром нашли в золе.

* * *

Прощусь, как с душою тело.
И молча перекрещу.
А всё, что сказать хотела –
В стихи свои обращаю.

И брошу тот стих с карниза.
Узнай его в двойнике –
В том ангеле в светлых ризах,
Не понятном здесь никем.

Линда

Одинокая собака.
Потерялась? Бросили?
Глазки – словно два агата.
Шерстка цвета осени.

Дети выстроили домик –
Из картонки хижину.
Там ютится песий гномик,
Жалобный, обиженный.

Хвост в колючках, лапки босы,
Вымокли на кончиках.
Ты моя теперь, не бойся.
Всё плохое кончилось.

* * *

Ваше востромордие,
Госпожа собака!
Для кого-то орды вас,
Для меня – одна ты.

Глазки словно вишенки,
Хвостик-молотилка.

Ох ты, моё лишенько,
Грязная подстилка.

Как бы ты ни гадила,
Что б ни натворила,
Дня нет, чтобы я тебя
Не боготворила.

Ваше хитромордие,
Маленькая скверность.
Ты достойна ордена
За любовь и верность.

Пусть отродье сучье ты,
Бестия-вострушка,
Для меня ты, в сущности, –
Лучшая подружка.

* * *

Иду, со сна полуслепа,
Выгуливать свою собаку.
Бежит собачья тропа
Средь лопухов и буераков.

Но Линда гордая моя
Дискриминации не знает.
На наши правила плюя,
Вновь на проспект перебегает.

Иду по-прежнему вперед,
Но мой пример ей не по нраву.
Она по улице идет,
А я – по кустикам и травам.

И, натываясь на бомжей,
Шарахаюсь и чертыхаюсь.
То там, то тут, гляжу, уже
Торчит компания лихая.

Куда тропа та заведет
Средь бездорожия и мрака?
И кто кого из нас ведет?
Кто человек и кто собака?..

В кафе "Манеж"

Задумав с мужем отдохнуть по-светски, –
Был летний вечер солнечен и свеж, –
Зашли мы с ним в кафешку на Немецкой
С двусмысленным названием "Манеж".

Застыли мы потом как истуканы,
Когда предъявлен был суровый счет,
Включивший вилки, блюда и стаканы,
Столы и стулья, кажется, ещё.

А счет крутой за отбивную нашу –
Как будто бы из золота она –
Терпенья моего превысил чашу, –
В себе тогда была я не вольна.

Да лучше бы на кухне мы, ей-богу,
Домашнего вкушали пирога!
В кафе "Манеж" забыли мы дорогу,
Поскольку жизнь ещё нам дорога.

Клиентов здесь не холят и не нежат,
Улыбкою рублевой не дарят.
Обманут, обмишулят, обманежат,
А после вслед ещё обматерят.

* * *

О Волга, ты – лекарство от истерик,
Где жизни бред, мучительный и странный,
Мне бережно залечивает берег,
Где волны мне зализывают раны.

Где парус мне белеет одинокий,
И век мне не бросается на плечи,
Где мир нам расстилается под ноги
Растительный, песочный, человеческий.

Где можно жить безопасно, не кручинясь,
Где мы с тобой вдали от всякой швали.
А по песочку скачет птичка чибис –
Её мы почему-то так назвали.

* * *

Лишь вбежала в комнату – звонок.
Ты сказал: "Я здесь, на Первой Дачной.
Без тебя я очень одинок."
Я к тебе рванулась со всех ног,
Всю судьбу свою переинача.

Мы брели куда-то – лишь бы вон –
Из толпы, из горя, из разлуки.
В сумочке случайно диктофон
Записал сопутствующий фон –
Нашей встречи шорохи и звуки.

Только шелест листьев и шагов,
Только шум – и ничего иного...
Стала плёнка волею богов
Эхом сокровенных дневников,
Музыкой единственного слова.

* * *

Я мечтала о свадьбе, о снежной фате,
И заранее сшила наряд:
Белый шелк, соответствующий мечте,
И жемчужные бусинки в ряд.

А когда ты пришел, а когда ты пришел,
Налетел, подхватил, как тайфун,
Был уже ни к чему ослепительный шелк.
Ненадетый ни разу, нелеп и смешон,
До сих пор он вздыхает в шкафу.

* * *

Лица улиц, троллейбусов морды,
Тишина берегов одичалых,
Воронья оголтелые орды –
Всё вокруг это слово кричало.

Всё об этом – и солнце, и звёзды...
И казались вторичными речи.
Мы вдыхали ворованный воздух
Нашей тайной горячечной встречи.

Жизнь летела беспamięтно в осень,
Золотыми фонтанами била.
А слова не нужны были вовсе –
Всё за нас уже сказано было.

* * *

Схожу с ума, как снег в апреле,
Как сходит с курса иль с орбит
Корабль, как кожа с обгорелых
Ступней, когда земля горит.

Схожу, как сходит без рисовки
Загар с убитого лица,
Как – на конечной остановке
Пути без края и конца.

Схожу с ума. Он мне не нужен.
Он мне – как якорь кораблю.
Везувий вспыхнул. Ад разбужен.
Я без ума тебя люблю.

* * *

Наконец-то мы вместе. Окончилось бегство
От себя, от чужих и докучливых глаз.
Не от прошлого ты мне достался в наследство,
А оттуда, где Божеский слышится глас.

И открыто в обнимку с единственным другом
Я впервые свободу свою познаю.
Прижимаю к себе твою тёплую руку,
Как трофей, завоеванный в трудном бою.

* * *

Люби меня, какую я бываю
В заветный час души и забывая,
Какую я сама себя не знаю,
Какую лишь с тобой бываю я.

Не всю меня, а лучшую частицу,
Во всей утонешь, сгинешь, пропадешь.
Люби такой, какой могла б присниться,
Какой нигде ты в мире не найдешь.

Не отдавай меня промозглой ночи,
Аптекам улиц, сглазу фонаря.
Люби меня всем сердцем, что есть мочи!
И ты поймешь, что ты любил не зря.

* * *

Уткнуться в теплое плечо,
Туда, где сходятся ключицы,
И знать: что б ни было ещё –
Со мной плохого не случится.

Давид, звезда моей любви,
Не половина – пуповина
Навек связала по крови.
Я заполняю сердцевину

Одним тобой, тобой, тобой,
А всё не доверху, не вдоволь.
Срослись и телом, и судьбой.
Бывают сладостней оковы ль?

Замри, фортуна, не спеши,
Приникни тихо к изголовью.
Давид, душа моей души,
Дыши, живи моей любовью.

Как в омут, броситься в кровать,
В родную ямку носом ткнуться

И – засыпать, и – забывать,
И – никогда бы не проснуться...

* * *

Мы как будто плывём и плывем по реке...
Сонно вод колыханье.
Так, рукою в руке и щекою к щеке,
И дыханье к дыханью

Мы плывем вдалеке от безумных вестей.
Наши сны – как новелла.
И качает, как двух беззащитных детей,
Нас кровать-каравелла.

А река далека, а река широка,
Сонно вод колыханье...
На соседней подушке родная щека
И родное дыханье.

Колыбельная

Этой песни колыбельной
Я не знаю слов.
Звон венчальный, стон метельный,
Лепет сладких снов,

Гул за стенкою ремонтный,
Тиканье в тиши, –
Всё сливается в дремотной
Музыке души.

Я прижму тебя, как сына,
Стану напевать.
Пусть плывет, как бригантина,
Старая кровать.

Пусть текут года, как реки,
Ровной чередой.
Спи, сомкнув устало веки,
Мальчик мой седой.

,
* * *

Проснулась: слава богу, сон!
Прильну к тебе, нырнув под мышку.
Укрой меня своим крылом,
Согрей скорей свою глупышку.

Мне снилось: буря, ночь в огне.
Бежала я, куда не зная.

Деревья рушились во мгле,
Всё под собою подминая.

Но тут меня рука твоя
К груди надёжно прижимала,
Разжав тиски небытия,
И вырывала из кошмара.

Благословенные часы.
Мы дремлем под крылом вселенной.
Мы дики, наги и босы,
Бессмертны в этой жизни тленной.

Дыханья наши в унисон.
Привычно родственны объятья.
Когда-нибудь, как сладкий сон,
Всё это буду вспоминать я.

* * *

А то, что было всё "по правде",
Всё, в чём душа была права,
Пускай хранят в моей тетради
Заговоренные слова.

Когда-нибудь ночной порою
Открою старую тетрадь,
Как будто из души отрою
Всё, что зарыто умирать.

Земля качнется, уплывая,
Как в тот негаданный визит...
И слов моих вода живая
Всё воскресит.

* * *

Вся суета, вся злость и грязь
Бессильно выпадет в осадок.
Очищенный от пут и дряг,
Вкус жизни первоначально сладок.

Как песня из небесных уст,
Нам эта мудрость вековая.
Вот ты. Вот я. Вот наш союз.
И просто жизнь как таковая.

* * *

Запахи, звуки, шорохи, тени
Давних событий, прошлых волнений,
В памяти тая, как облака,
Нас окликают издалека.

Неуловимы и бессюжетны,
В хронике жизни всем не заметны,
Но в глубине сокровенно тая
Неизреченную суть бытия...

Наши земные очарованья,
Там, за размытой временем гранью,
На перепутье и на краю
Не покидайте душу мою!

Памятью детства, памятью крови
В час наш последний слетят к изголовью,
Став на мгновенья до боли ясны,
Запахи, звуки, тени и сны...

* * *

Вновь гадалки дотошные
Потрошат легковерных дебилов...
Отгадайте мне прошлое!
Объясните, зачем оно было.

Веет будущность холодом.
Мило то, что исчезло из виду.
Там наивная молодость,
Там родимые тени Аида.

Я взываю к незримому.
– Ну чего тебе надобно, старче?
– Возврати мне любимое!
Отвори этот сказочный ларчик!

В нем сокровища кроются,
Избавленье от боли и горя...
Но Сезам не откроется.
Брошен ключ на дно синего моря...

* * *

Я беру, как собака, след,
Пробираюсь к далекой Лете я.
Я ищу прошлогодний снег,
Свет ушедшего в ночь столетия.

Вижу вещей сон наяву,
Словно Пруст, неразлучна с комнатой.
Я который уж год живу
С головою, назад повернутой.

* * *

Мне прошлое дышит в затылок,
А я обернулась – и вот
На долгие годы застыла.
Не я, а оно лишь живет.

Скорее очнуться, проснуться...
Но смерч настигает, грозя.
Нельзя мне к нему обернуться.
И не обернуться нельзя.

* * *

Что живо в тебе закипанием крови
И нежностью памяти – живо и впрямь.
Пусть хмурит суровой действительность брови –
Полет в никуда неуклонен и прям.

Взываю не к людям, не к ветреной Музе –
К тому, что кричит из-под мраморных плит.
Защитная сила бессмертных иллюзий
Мне душу, как ангел небесный, хранит.

Все жду, что наступит он, миг обретенья,
И видится в снах, как при ясности дня:
Родные, любимые, мертвые тени,
От радости плача, встречают меня.

* * *

На клеёнке блик играет,
Щеки жаром обдаёт.
Это свечка догорает,
А не солнышко встаёт.

Стук в окошко поминутный.
Сердце, стихи, наконец!
Это ветер бесприютный,
А не умерший отец.

Кто так, воя и стеная,
Сводит медленно с ума?
Это вьюга ледяная,
А не смерть ещё сама.

* * *

В альбоме старом дремлет времечко,
Где каждым мигом дорожу.
Ещё я маленькая девочка
И за руку тебя держу.

Дрожу над этой фотографией,
Где я ещё пока твоя

И где на фоне печки кафельной –
Вся наша целая семья.

И в доме мирный был уклад ещё,
Ещё ветров не пел хорал,
И незнакомо было кладбище:
Никто ещё не умирал.

* * *

Какое странное посланье...
Скользят туманные слова
И уплывают в мирозданье,
Блеснув прозрением едва.

Глухие завеси сомкнулись.
Строка размыта, неясна.
Мы вновь с тобою разминулись
В дремучих коридорах сна.

Тот шифр моею кровью набран,
Но тщетно силюсь до конца
Я разгадать абракадабру –
Посланье мертвого отца.

Мне не прочесть, и не ответить,
И не дожидаться ничего,
И снова биться рыбой в нетях
В тисках сегодня своего.

* * *

Я видела ад. Это мир без любви,
Что длится, сердца не затронув.
Там нету различия между людьми.
Обличье у них эмбрионов.

Пространство стерильной пустой тишины.
Души перманентное тленье.
Там мучает боль безысходной вины,
Не ведающей избавленья.

Там вечно живыми пребудут враги
И трупом – казавшийся другом.
И меркнут Вергилия с Дантом круги
Пред этим замкнувшимся кругом.

Там холод могильности слова "живу"
И смерть без минуты покоя.
Я видела ад, не во сне – наяву.
Я знаю, что это такое.

* * *

На удочку – ах! – уличного сходства
Попалась, уличив себя в тоске.
И жизни поступь, прерывая ход свой,
Споткнулась, как о камень на песке.

И сердце кровоточило и билось,
Как пойманная рыба из тенет.
Душа моя, тоска моя забыла,
Что уж давно тебя со мною нет.

* * *

Вас жизнь разметала, смела, растоптала.
О, что с вами было? И что с вами стало?!
Один – всем ненужный – в холодной земле,
Другая – в недужной прижизненной мгле.

Я руки к их лицам с тоской простираю.
На зыбкой границе меж адом и раем
Должна быть хоть щелочка, крохотный лаз –
Пробиться, вернуться, увидеть хоть раз...

Она – на садовой скамейке над книжкой.
Он сзади маячит безусым парнишкой.
О, старые фото... Не жизни – огня
Мне жаль, уходящего в ночь без меня.

Я память и душу огнем обжигая,
Я встретится вам в облаках помогаю.
Когда-то жила на планете семья:
Вы оба и бабушка, брат мой и я.

Не раз вспоминали, наверно, друг друга...
Следы замечает январская вьюга.
О как ваши жизни легко было смять!
Родные, чужие... Отец мой и мать.

* * *

Нет очевидцев той меня,
И, значит, не было на свете
В ночи сгоревшего огня,
Что плачет, уходя навеки.

И, значит, не было в миру
Той девочки босой, румяной,
Гонявшей обруч по двору,
Рыдавшей над письмом Татьяны.

Ни старой печки, ни плетня,
Ни сказочной дремучей чаши,

Раз нет свидетелей меня
Тогдашней, прежней, настоящей.

Цепь предков, за руки держась,
Уходит в темный студень ночи.
Времён распавшаяся связь
Отъединённость мне пророчит.

Протаиваю толщу льда
И жадно собираю крохи:
Мгновенья, месяцы, года,
Десятилетия, эпохи...

Законам физики сродни
Тот, что открылся мне, как ларчик:
Чем дальше прошлого огни –
Тем приближённее и ярче.

Любовь, босая сирота,
Блуждает во вселенной зыбкой.
В углах обугленного рта
Застыла вечная улыбка.

Она бредет во мраке дней,
Дрожа от холода и глада.
Подайте милостыню ей.
Она и крохам будет рада.

* * *

Спешу я к родной могилке
Исхоженной тропой.
Тринадцатая развилка
От будки сторожевой.

Кладбищенская ограда –
Награда за все в тиши.
Ты – нищенская отрада,
Отрава моей души.

Не кладбище, а кладби'ще.
Размеренные ряды.
Пристанище и жилище,
Убежище от беды.

Очищу литьё от сажи,
Надгробие приберу.
Как будто лицо поглажу
И лоб тебе оботру.

И мертвецу надо ласки,
Как дереву и птенцу.
Анютины светят глазки.
Они тебе так к лицу.

А небо с чутьём вселенским
Заплакало вдруг навзрыд
Над кладбищем Воскресенским,
Где брат мой родной зарыт.

Письмо отцу

Ветер или ты листы колыхаешь?
Пробирает медленная дрожь.
Почему-то знаю, что услышишь.
Как-нибудь по-своему прочтешь.

Нет тебя давно у нас в квартире.
Где же в этом мире ты теперь?
Каждый вторник, как пробьёт четыре,
По привычке я смотрю на дверь.

Как наш Денди прыгал, обезумев,
В нетерпенье сверток теребя!
Ты ещё не знаешь: Дендик умер.
Ровно через год после тебя.

Стало страшно выходить из комнат, –
Вдруг споткнусь внезапно при ходьбе:
Кто-то обязательно напомним
Мне тебя на улице в толпе.

Твои книжки выстроились ровно,
Говорят со мной наперебой.
Детские стишки мои, любовно
Все переплетенные тобой.

Письма, и статьи твои, и речи –
Не волнуйся, всё сохранено.
Я лишь в ожиданье нашей встречи
Поняла, что мы с тобой – одно.

Ты приснишься мне на день рожденья?
В небе ковш изогнут, как вопрос.
И твоё реальное виденье
Проступает сквозь завесу слез.

Из кривых и прыгающих строчек
Словно перекидывая мост,

Вижу твой замысловатый росчерк,
Вижу руку с родинками звезд.

О тебе узнаю всё из сна я.
Как тебе в обители иной?
Я тебя ничуть не вспоминаю.
Просто ты по-прежнему со мной.

* * *

Я хотела бы на кладбище еврейском
Успокоиться среди оград и трав.
Вот на этом облюбованном отрезке.
Только нету у меня на это прав.

Ни Ваганьково, ни даже Сан-Микеле
Не прельщают дерзновенную мечту.
Я хотела бы на этом, в самом деле,
Что от дома за какую-то версту.

Пусть бы люди проходили только мимо,
Пусть бы имя позабыли все давно.
Я хотела бы лежать среди любимых.
Почему-то это мне не все равно.

Боже, как бы я хотела в эту землю!
Вижу Парку, обрывающую нить.
Если я ещё немножечко промедлю –
Будет некому меня похоронить.

Не считите за дурную юмореску,
Не кривляясь говорю и не кичась:
"Боже, сделай, чтоб лежала на еврейском.
Если можно, то, пожалуйста, сейчас."

* * *

За окошком ветра вой.
Мне опять не спится.
Бьётся в стекла головой
Вяз-самоубийца.

Капли падают в тиши,
Разлетясь на части.
Но не так, как от души
Бьют стекло на счастье.

Струи поднебесных вод –
Острые, как спицы.
Сам себя пустил в расход
Дождь-самоубийца.

Как струна, натянут нерв.
Лунный диск нецелен.
Обоюдоострый серп
На меня нацелен.

* * *

Дни холодней и короче.
Лето подводит черту.
Вкус недописанной строчки –
Горькой травинкой во рту.

Ах, на пороге ненастья
Не расплескать бы, спеша,
Пену шампанского счастья,
Что пригубила душа.

Листопад

Посланцем неба или ада
Из неизведанной дали
Он падал, падал, падал, падал
В объятья грешные земли.

И по ветру пускал конвертцы,
Чтобы оставить где-то след,
И плавно опускался в сердце
Осадком отшумевших лет.

А листья – будущая падаль –
Летели чисто и светло.
Им было падать, низко падать
Не больно и не запаadlo.

* * *

Стара для жизни, молода для смерти,
Стою у ресторана бытия.
Между людской и звёздной круговертью
Лежит дорога узкая моя.

Стара для счастья, молода для горя.
Дух или тело первыми избыть?
Уйти, чтобы остаться, песне вторя?
Или остаться, чтоб уже не быть?

Жизнь то хрипит, заглохшая под пылью,
То бьётся, словно жилка на виске.
Так и живу – меж нежитью и быльёю,
На грани, на краю, на волоске.

* * *

Нет уж тепла в помине.
Листья шуршат, шуршат...
Словно угли в камине –
Жизнь мою ворошат.

Все оставляет след свой
В памяти о былом.
Кажется, моё детство
Где-то за тем углом...

Листья летят устало.
Долго ли им кружить?
Сколько уж их упало...
Листья устали жить.

* * *

Я продлевала вечера,
Не выпускав из рук.
Сегодня – всё ещё вчера.
Держусь за этот звук.

Вчера – ещё почти в руках,
Оно со мной срослось.
Ещё в пространстве и в веках
Худого не стряслось.

Повремени, чужой рассвет,
Несущий тень беды.
Сияй, сияй вечерний свет
Негаснущей звезды.

* * *

Увядая, облетая,
Листьев кружится метель.
Золотая, золотая,
Золотая канитель.

Я нисколько не тоскую,
Не устану я смотреть
На красивую такую
Листьев золотую смерть.

Осени конец летальный...
Как бы, прежде чем умру –
Научиться этой тайне
Красной смерти на миру.

* * *

Как завести мне свой волчок,
Чтоб он жужжал и жил,
Когда б уже застыл зрачок
И кровь ушла из жил?

Как превзойти в звучанье нот
Себя саму суметь,
Когда окончится завод
И обыграет смерть?

Как скорость наивысших сфер
Задать своей юле,
Чтобы хоть две минуты сверх
Крутиться на земле?

* * *

Я пишу никуда, потому что сама я нигде.

И. Лиснянская

Чья вина или Божья немилость
В том, что место моё так убого,
Что под солнцем не уместилось?
Где родилась – не пригодилась.
Числюсь разве что в списках у Бога.

Может, время такое крутое –
Не пробьёт его голос мой тонкий.
Я живу без минуты простоя.
Почему же нигде и никто я –
В этом пусть разберутся потомки.